

ПЛАЦ ВОЛИ*

Роман-документ**

Площадь заливало солнце. Легкое облако зависло над колокольной костела и исчезло, словно растаяло.

Езовитов расставался с Родиной не в первый раз. Поначалу расставания были возвышенно-юношеские, когда после летних каникул должен был ехать в немилый Двинск, где служил в крепости отец. Затем — вынужденный отъезд вместе с Радой в Вильню в 1918-м. И вот — сегодняшний уход...

Неторопливо пересек площадь, поставил в церкви три свечи, прочитал «Отче наш» и совсем не по-военному подался к выходу. Присел на шершавый валун (не из фундамента ли какого?), закурил горькую папиросу. Глядел на церковь, и ее фронтон с двумя колокольнями показался небесными воротами, исстари ведущими из вчера в завтра...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ярославские встречи

Ветер дул с реки, волглый, холодный. В городских кварталах он оборачивался сквозняками, гнал палую листву, сметал ее в дворики, бросал под колеса повозок.

Такого многолюдья Ярославль уже давно не видел. Поначалу в город потянулось в день по несколько семей, неприметно оседавших в постоянных дворах. Их становилось все больше, город переполнился ими, и груженные домашним скарбом повозки загрохотали по городскому булыжнику дальше на восток. По мере продвижения фронта все больше людей переливалось через город. Сотни приезжих обживали загнанные в тупики вагоны, заполняли вокзалы.

Когда летом 1915 года в пожаре войны запылала Белорусь, и штаб Западного фронта обосновался в Минске, потянулись на восток и белорусы. Несколько брестчан Максим позавчера встретил на рынке — пытались обменять выделанные овчины на съестное. И вот неожиданное знакомство с минским одногодком...

Сначала на Стрелке, где располагался Демидовский лицей, его остановила закутанная в теплый платок женщина. Робко спросила:

— Подскажите, как это на ваш кремль выйти? Заблудилась это я... — черные, смоляные брови, утомленные глаза под ними, лицо не морщинистое, но бескровное, усталое.

У Максима зашлось сердце: «Не из наших ли краев?»

— Прямо по улице, а как река повернет, и вам нужно направо. Метров через двести и увидите кремль.

— Спасибо. А то, зная, от своих отбилась. Хоть бы без меня не ушли... — женщина подняла корзину, закрытую мешковиной, и тяжело шагнула на другую сторону улицы.

— Я помогу! — Максим поспешил за ней.

А та вдруг осела, застонала и схватилась за живот. Корзина на брусчатке покосилась, из нее выкатилось несколько картофелин.

— Что с вами? — Максим растерялся, нагнулся подобрать картофелины, а женщина оперлась на фонарный столб, попыталась подняться, но не смогла. — Подождите, я сейчас... Вам нужно к доктору... — Максим бросился к зданию лицея, где минуту назад заметил извозчика. А когда подъехал с ним, возле женщины хлопотал какой-то парень.

— Вот хорошо, а то я уже хотел бежать за кем-нибудь, — голос звонкий, нестриженные волосы выбиваются из-под шапки, сам худенький, но шустрый, крепкий.

Молча усадили женщину, отвезли в больницу, где в августе открыли отделение для беженцев. Там только разговорились.

* Площадь Свободы (до 1917 г. — Соборная площадь) в Минске.

** Журнальный вариант. Перевод с белорусского Федора Ефимова.

— Вижу, ее спасать надо, — сыпал парень, — а поблизости никого, сам город не знаю... Тебя как зовут-то? — и оглядел Максима. Волосы курчавые, глаза темные, с веселой искоркой. — Форма школярская и говоришь вроде по-нашему, но в институте не встречались.

Неделю назад в Ярославль эвакуировался Минский учительский институт, в чьем здании разместился госпиталь. Пятьдесят три студента из Белоруси пополнили население города.

Парня звали Стасем. Родители — Новики — жили в Полоцком районе, а у бездетной тетки было полдома в Минске, она и «выпросила» Стася к себе. С институтом он оказался в Ярославле. Обрадовался, что его новый друг родом из Минска...

Говорили обо всем: о войне, об учебе. Максим признался, что к юридической науке равнодушен и хотел бы заниматься в лицее учительством, литературой. Они остановились у реки.

— Это Волга? — спросил Стась.

— Нет, Которосль. Она впадает в Волгу... — наступали сумерки, а Максиму не хотелось расставаться с земляком. — Что же мы так болтаемся? Идем ко мне. Тут недалеко, на Ильинской.

Пужинали, и Максим повел Стася к себе в комнату. Заметил, как загорелись его глаза, когда свечу поставили возле шкафа с корешками аккуратно составленных книг.

— Да, тут не юриспруденция! — Стась любовно рассматривал и листал томики Купалы, Пушкина, Фета. — А моя библиотека, правда, не такая богатая, осталась у тетки...

— А такая книжка была там? — Максим достал с полки свой «Венок».

— Нет, такую только у друзей брал.

— Вот пусть и пополнит твоё собрание.

— Ну, спасибо!.. А тебе что, Богданович не нравится? Или другой экземпляр есть? — смешался гость.

— Видишь ли, я не Нарцисс, чтобы самому себе нравиться.

Стась едва не пролил воск свечи:

— Ты автор «Венка»? Ты Богданович?!

С видимым сожалением Стась отказался от предложения переночевать: ректор Игнатовский забеспокоится.

«Квартировали» минские студенты временно в помещении городского училища. Максим взялся назавтра познакомить земляков с городом, свозить в ярославский кремль, где был найден список «Слова о полку Игореве», показать Волгу. А Стасю, конечно же, не терпелось познакомить Максима с минскими студентами...

6 октября 1915 года в Минском педагогическом институте возобновились занятия. Максим Богданович¹ ежедневно встречался с земляками, читал им свои и чужие стихи. Вместе были на экскурсиях, которые организовывал Всеволод Игнатовский. Посетили в Костроме Ипатьевский монастырь, где находилась усыпальница Годуновых, в Демьяновской церкви долго рассматривали картину Серова и Коровина «Хожение Христа по водам».

Всем миром помогали беженцам-белорусам, которых с каждым днем прибывало. Жить становилось труднее. У студентов не было теплой одежды, в квартирах — холодно. Институт мог дать бесплатно только горячий чай. На стипендию в чужом городе прожить было невозможно, и многие начали возвращаться в Белорусь.

Неожиданно Максим заболел тифом и до декабря пролежал в кровати, а когда встретил Стася, тот и поведал о том, что тридцать трех студентов их института призывают на фронт.

— А ты? — насторожился Максим.

— Я тоже. Как видишь, покуда не получается с учительством. Я на днях получил письмо от друга Костюся Езовитова, студента Витебского института. Его дед с бабкой жили в моем селе, он к ним летом приезжал, и мы вместе решили в учителя податься. Так вот и он написал, что думает перейти в военное училище.

— Знать бы только, за что воевать, — вздохнул Максим.

— Это верно...

В сентябре 1916 года Максим Богданович окончил юридический лицей и должен был, как и другие выпускники-демидовцы, призваться на военную службу, однако повестки не получил. А в начале октября в вагоне третьего класса отправился из Ярославля в Минск — на последнее свидание с Родиной.

«Белорусская Хатка»

1 ноября 1916 года минский губернатор князь Друцкий-Сокольный после обеда был в своем кабинете. В пять окон просилось скупое осеннее солнце. Захотелось постоять на балкончике, нависшем над внутренним двориком, но губернатор увидел, как ветер треплет голые ветви. «Еще простынешь», — подумал и прошелся по толстому красно-зеленому ковру до окна, выходящего на Соборную площадь. Отодвинул штору — вокруг

¹ Максим Богданович (1891—1917) — автор единственного поэтического сборника «Венок», классик белорусской литературы.

тишина, словно за сотней верст нет никакой войны. Вдали мерцает изгиб Свислочи, стайка гимназистов выпорхнула из дворика на Троицком... Раскурил трубку, выпустил клуб ароматного дыма и опустился в угловое кресло. Прозвучал колокол Ратуши, и через минуту в дверь постучали.

— Виктор Аристархович, позвольте? — дверь приоткрылась, в щели обозначилась голова помощника с ровным пробором в набриолиненных волосах.

— Давайте... Что там?

— Как всегда, канцелярия, — помощник почти промаршировал через кабинет, положил на стол три кожаные папки и вытянулся. — Будут ли какие распоряжения?

— Свободны.

Губернатор неторопливо выбил трубку и присел к столу из пинского граба, сработанному немецкими мастерами. Раскрыл верхнюю папку и, погладив пышные усы, принялся читать:

«Белорусское общество помощи жертвам войны Его Сиятельству господину минскому губернатору.

Минский отдел. Минск, Захарьевская, 24. Октября 31 дня.

Комитет... возбудил перед Вашим Сиятельством ходатайство от 19 октября текущего года за № 110 о разрешении ему однодневного сбора на 6 ноября сего года. Ныне комитет осведомился о предложенном в ближайшее время по инициативе Вашего Сиятельства аналогичном сборе в пользу детей... Комитет честь имеет обратиться к Вашему Сиятельству с ходатайством разрешить ему на 4 декабря текущего года устройство кружечного однодневного сбора... В случае ненастной погоды комитет просит разрешить перенести сбор на ближайший праздничный день».

«Да-с, погода вскоре испортится», — подумал губернатор. Тонко очиненным синим карандашом он начертил над старательной каллиграфией прошения:

«Запросить полицию, что это за общество, кто члены, и вообще как оно работает».

Не дождавшись ответа, 28 ноября в «Белорусской Хатке» сложили и другую челобитную. Как и первую, писал ее Богданович:

«...На пополнение средств Минского отдела... комитет предполагает 4-го декабря текущего года в помещении Минской губернской земской управы устроить публичную лекцию на тему: «Беларускае адраджэнне». Ввиду изложенного комитет отдела имеет честь просить Вас разрешить устройство лекции, которая будет изложена по-белорусски Максимом Адамовичем Богдановичем...»

Лишь 18 декабря губернатор получил полицейское донесение о Минском комитете Белорусского общества помощи потерпевшим от войны и его членах, которые «ни в чем предосудительном не были замечены». Тем же синим карандашом губернатор дописал на первом прошении:

«Отложить до возбуждения нового ходат. о сборе».

Либавенские липы

Весной 1917 года на всех фронтах в царских войсках начались волнения. Солдаты устали от неопределенности и с неохотой подчинялись приказам. Офицеры были растерянными. Всюду возникали войсковые национальные организации и комитеты. В 12-й армии Северного фронта 8 мая унтер-офицер Язеп Мамонька организовал первую группу солдат-белорусов. В 14-й армии под Двинском белорусов возглавил поручик Костусь Езовитов. На Западном фронте земляков объединил старший унтер-офицер Сымон Рак-Михайловский. В Питере среди белорусов действовал Александр Червяков...

Вскоре волнения охватили и матросов Балтийского флота. Порт Либавы² — небольшой, тихий, как и сам городок. В тот майский день, привычный к балтийским штормам, он потонул в свежей зелени распустившихся лип, давших городу название. Однако горожане, стар и млад, высыпали не любоваться липами: к причалу неожиданно подошел «Петр Великий» — огромный крейсер. Сияя кормовой броней, он долго дымил всеми тремя трубами, затем развернулся бортом к причалу и загрохотал якорями. Через день глядеть на «Петра» бегали одни дети, а через неделю город привык и к людям в матросской форме.

Спустя некоторое время на крейсер пришел приказ: выйти в боевой поход.

— Это что же, нам столы в камбузе грызть? Скоро крыс будем жрать! — вырвалось у одного из матросов.

— Отставить разговорчики! — злобный голос офицера.

— Полундра!

— Братва, всем сбор! Бей в склянки!

Вахтенный растерянно покосился на рубку — и все же пошевелил рынду, медный судовой колокол.

Через несколько минут человек двести сбежалось на среднюю палубу.

— Матросы! — хриплый, простуженный голос. — Не слушайте чужих командиров! Нам не говорят всей правды! Хватит защищать неизвестно кого... Разве не ждут нас дома матери, жены, невесты?..

— Кто там балакает? — спрашивали опоздавшие.

² Сейчас — Лиепая.